

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

ЖУРНАЛЪ

СЛОВЕСНОСТИ, ИСТОРИИ И ПОЛИТИКИ.

ВТОРОЕ ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЕ.

Verba animi proferre et vitam impendere vero.

JUVENAL, IV.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

РЕДАКТОРЪ А. В. НИКИТЕНКО.

ИЗДАНИЕ

книгопродавца Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМЕРДИНА.

1840.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1839 года
Декабря 31 дня.

Ценсоръ *В. Дангеръ.*

Ценсоръ *С. Куторга.*

VI.

ОБОЗРѢНІЕ БЕРЕГОВЪ

СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ,

ОТЪ МЫСА БАРРОВА,

СОВЕРШЕННОЕ РУССКОЮ ЭКСПЕДИЦІЕЮ ВЪ 1838 ГОДУ .

Въ 1836 году, по возвращеніи изъ Америки, бывшаго Главнымъ Правителемъ Россійскихъ колоній въ Америкѣ, Барона Ф. П. Врангеля, предположено было Главнымъ Правленіемъ Россійско - Американской Компаніи снарядить въ нашихъ колоніяхъ экспеди-

* Въ предпрошедшемъ и прошломъ годахъ, мы сообщали читателямъ нашимъ (С. О. 1838 г. Августъ, и 1839 г. Февраль) извѣстія объ открытіи и окончательномъ обозрѣніи берега Сѣв. Америки г-ми Дюзомъ и Симпсономъ. Въ Англійскомъ извѣстіи упомянуто было о приготовленіи для сего же предмета Русской экспедиціи, которая, дѣйствительно, была предпринята и совершена лѣтомъ 1838 года. Просвѣщенныя г-да Директоры Россійско-Американской Компаніи, при благосклонномъ вниманіи Е. П. Контръ-Адмирала Барона Ф. П. Врангеля, позволили намъ заимствовать краткій очеркъ изъ присланнаго изъ Америки въ нынѣшнемъ году отчета. Спѣшимъ передать любопытное описаніе вниманію соотечественниковъ, какъ новое доказательство того, что польза и честь науки всегда высоко оцѣняются нашею Американскою Компаніею, руководствовавшеюся при сей экспедиціи безкорыстнымъ желаніемъ дополнить отдаленныя географическія открытія, и того, что Рускіе такъ же смѣло совершаютъ опасныя и трудныя морскія предпріятія, какъ и опытные на моряхъ Британцы. Р. С. О.

цію, для окончательнаго обозрѣнія, лежащаго въ нашихъ границахъ, небольшого пространства Американскаго материка, остававшагося неосмотрѣннымъ между мысомъ Баррова и мысомъ Бичелъ. Сіе предположеніе доведено было, черезъ г-на Начальника Главнаго Морскаго Штаба, до свѣдѣнія Е. И. В. Государя Императора.

Годовая почта доставила изъ Россіи въ Ситху предписанія Главнаго Правленія не ранѣе осени 1837 года. Главный Правитель колоній, капитанъ 1-го ранга Купреяновъ, оказалъ все пламенное усердіе патріота, желавшаго усвоить Россіи честь достопамятнаго открытія. Съ началомъ навигаціи 1838 года, экспедиція снаряжена была въ Ново-Архангельскѣ, подъ команду креола, воспитанника Компаніи, Корпуса Штурмановъ прапорщика Кашеварова. Она состояла изъ одной 6-ти-весельной байдары, 4-хъ трехъ-лучныхъ байдарокъ и 18-ти человекъ Алеутовъ и креоловъ. Кашеваровъ отправился въ море на Компанейскомъ бригѣ *Полифемъ*, состоявшемъ подъ команду Корпуса Штурмановъ прапорщика Чернова. По предназначенному плану, бригъ *Полифемъ* долженъ былъ проникнуть сѣвернѣе Берингова пролива, такъ далеко, какъ только льды допустятъ, и приблизясь къ Американскому берегу спустить въ море байдару и байдарки Кашеварова, которому слѣдовало продолжать путь вдоль берега между льдовъ, а по совершеніи описи береговъ до мыса Бичелъ, возвратиться въ заливъ Коцебу, гдѣ бригъ *Полифемъ* долженъ былъ опять принять экспедицію, для обратнаго перевоза ея въ Ситху. Сей планъ, въ существѣ своемъ, одинаковъ былъ съ тѣмъ, по которому предназначено было въ 1821 и 1822-мъ годахъ капитану Васильеву, на военномъ шлюпѣ *Открытие*, а въ 1826 и въ 1827 годахъ, Англійскому капитану Бичею, на военномъ шлюпѣ *Блоссомъ*, про-

должать гидрографическія работы знаменитаго Кука. Такимъ образомъ Кашеваровъ долженъ былъ вступить въ состязаніе съ Кукомъ, Васильевымъ и Бичеемъ, который, какъ извѣстно, простеръ опись берега, на палубномъ гребномъ суднѣ, до мыса Баррова, 120 миль далѣе капитана Васильева, когда г-нъ Васильевъ, въ свою очередь, прошелъ 35 миль далѣе Кука. Кукъ, Васильевъ, Бичей и Кашеваровъ имѣли въ виду одну цѣль: отъ запада на востокъ простираť опись сѣвернаго берега Америки на возможно дальнѣйшее разстояніе.

Между тѣмъ, нашей экспедиціи было неизвѣстно, что за годъ до времени отправленія ея, Англійская экспедиція, снаряженная Гудзонскою Компаніею, была уже отправлена изъ озерныхъ факторій по рѣкѣ Маккензія. Начальники ея, г-да Дизъ и Симпсонъ, совершили плаваніе до устья означенной рѣки, и въ Августъ 1837 года достигли мыса Баррова, на байдаркахъ, обозрѣвъ такимъ образомъ неизвѣстное до того пространство берега, предназначенное для изслѣдованій нашей экспедиціи. Полный успѣхъ Гг. Симпсона и Диза лишилъ насъ чести довершить обозрѣніе сѣверныхъ береговъ Американскихъ; но онъ не долженъ лишать г-на Кашеварова славы состязанія и чести побѣды въ трудномъ подвигѣ, всегда сопряженномъ съ самоотверженіемъ истиннаго моряка. Преодолевая величайшіе труды и опасности отъ льдовъ и враждебнаго дѣйствія туземцовъ, г-нъ Кашеваровъ, высаженный въ море, съ Полифема, у мыса Лизбурна, миновавъ мысъ Ледяной, долженъ былъ разлучиться съ большою байдарою и частью команды, и продолжать путь на однѣхъ малыхъ байдаркахъ, на которыхъ и достигъ мыса Баррова, крайней точки изслѣдованій капитана Бичея. Но здѣсь не остановился онъ; слѣдуя далѣе сего мыса, прошелъ и описалъ подробно берегъ на 30 миль,

почитавшійся дотоль неизвѣстнымъ, и только за десять мѣсяцовъ, въ Іюнь 1837 года, въ *первый разъ* осмотрѣнный Европейцами, именно экспедиціею Гг. Диза и Симпсона. Здѣсь нашелся онъ вынужденнымъ скрыться во льдахъ моря отъ преслѣдованій туземцовъ; не видя никакой возможности спасти вверенную ему команду отъ многочисленныхъ дикарей, озлобленныхъ противъ бѣлыхъ, за появившуюся здѣсь оспенную заразу, г-нъ Кашеваровъ, скрѣпя сердце, рѣшился обратиться назадъ. Совершивъ на своихъ байдаркахъ до 850 Итал. миль, экспедиція достигла опять *острова Шалиссо*, въ *заливъ Коцебу*, гдѣ и соединилась она съ Полифемомъ, на которомъ возвратилась благополучно въ портъ Ново-Архангельскъ.

По осенней почтѣ Главное Правленіе Росс. Амер. Компаніи надѣется получить подробные журналы изложенной нами любопытной экспедиціи. Здѣсь предварительно сообщается выписка изъ рапорта г-на Кашеварова, поданнаго имъ, 11-го Октября 1838 года, Главному Правителю Россійскихъ колоній въ Америкъ, капитану 1-го ранга Купреянову, и изъ нея можно видѣть главныя подробности экспедиціи, ознаменованной, сколько усердіемъ къ порученному дѣлу, столько и отважностью его исполненія.

Іюня 23-го находились на суднѣ байдара собранная и байдарки со всеми принадлежностями и съ полными запасами экспедиціи, все въ томъ самомъ видѣ, какъ бы имъ въ кратчайшее время оставлять бригъ и начинать порученное дѣло. Сего же числа бригъ оставилъ редутъ св. Михаила. Противные вѣтры имѣли мы до острова Азіяна; 1-го часа Іюля прошли *Беринговъ проливъ*, и въ полночь 3-го Іюля, въ шир. 69° N, 168° долг. W, встрѣтили первые льды; съ утра былъ густой туманъ, продолжавшійся до 5 числа, а по прочищеніи тумана бригъ по-

дошелъ къ мысу *Лизбурну*, около котораго было мало льда. Усмотря людей на берегу, я отправился на байдаръ съ своимъ толмачемъ, и узналъ отъ нихъ, что они приехали съ зимняго своего жила на мысъ *Гопъ* (Норе), и поведутъ къ О, до мѣста, гдѣ они обыкновенно проводятъ лѣто въ промыслъ оленей; что берегъ къ О свободенъ отъ льда и возможенъ для плаванія въ байдаръ, въ чемъ можно убѣдиться и самому; съ высоты, сколько только можно было видѣть, не было видно льда къ О. При семъ случаѣ съ особеннымъ удовольствіемъ замѣчено, сколь свободно и вѣрно объясненіе наше съ туземцами впредь имѣеть быть черезъ такого толмача, какъ взятый нами изъ Михайловскаго редута, Американецъ *Тунтокъ*.

Возвратясь на бригъ, я предложилъ командиру брига высадить экспедицію на мысъ *Лизбурнъ*, разсчитывая, что по видѣнному состоянію льда, усиленною вѣдою въ байдаръ можно надѣяться упредить то время, въ которое берегъ до мыса *Ледянаго* очистится отъ льда, и возможно будетъ приближеніе къ нему брига *Полифема*, и такимъ образомъ экспедиція можетъ достигнуть *Ледянаго* мыса скорѣе, что и рѣшено было исполнить для необходимаго выигрыша времени.

Того же 5-го числа, вечеромъ, вся экспедиція, на 1-й байдаръ и 5-ти байдаркахъ, со всемъ ей принадлежащимъ, благополучно высажена на мысъ *Лизбурнъ*, и бригъ отошелъ отъ берега.

7-го числа, въ 5 часовъ, отправились. Противныя обстоятельства замедляли путь, какъ крѣпкій вѣтеръ, такъ и встрѣченные льды, и пройдя 12 миль, задержаны оными на мѣсть до 9-го, а сего числа при тихомъ вѣтрѣ отправилсъ въ путь. Юля 10-го числа, по утру, при свѣжемъ вѣтрѣ отъ SW, пристала байдара къ берегу, но, не имѣя обыкновенной при семъ помощи, неудачно. Двѣ волны влились въ байдару, и только проворства людей сохранило многое отъ подмочки.

Прибрежныя озера, означенныя на картѣ капитана *Бича*, не доставили ожидаемыхъ удобностей для плаванія байдары; они мѣстами такъ мѣлководны, что даже для байдарокъ провѣздъ труденъ, и потому должно было тащить байдару по мѣлямъ, и по частямъ перевозить грузъ,

или выѣзжая въ море, искать провѣзда между льдами. Юля 13-го въ вечеру, вынуждены пристать къ берегу, имѣя къ *N* *Ледяной мысъ* въ виду.

Въ широтѣ $70^{\circ} 00'$ *N*, миновали расположенный у моря на низменной кошкѣ лѣтникъ *Утукагмютовъ*, въ три дни спустившихся отъ своего зимняго жила по рѣкѣ *Утукакъ*, устье которой близъ той же широты впадаетъ въ длинное озеро. Противъ лѣтника море было довольно чисто ото льда, и всѣ мужчины были на промыслѣ маклаковъ; встрѣчены же мы были однѣми женщинами, числомъ до 50, и при нихъ мужчинъ только 6. Одаривъ ихъ всѣхъ табакомъ, мы скоро познакомились съ ними, но тщетно терялъ я время, стараясь вывѣдать что нибудь отъ нихъ; на вопросъ мой вдругъ отвѣчали 10-ть и болѣе женщинъ; шумъ и разногласіе ихъ въ отвѣтахъ заставили меня прекратить мое любопытство. Языкъ ихъ на слухъ имѣеть сходство съ *Аглегмютскимъ*.

У *Ледянаго мыса* встрѣченъ былъ густой ледъ, такъ, что для провѣзда на байдарѣ нужно было ожидать случайнаго отдаленія отъ берега льдовъ, которыми онъ былъ заваленъ. Ледяныя закраины, еще неотдѣлившіяся отъ берега, имѣли на себѣ горки, вышиною до 14 футовъ; на нихъ отъ таянія образовались небольшіе ручьи хорошей воды.

До встрѣчи густаго льда, мы получали воду изъ ручьевъ, текущихъ по топкой тундрѣ; вѣроятно, эта вода была причиной, что всѣ включительно до одного человѣка страдали въ то время болью живота, болѣе или менѣе сильною. Я приказалъ предпочтительно доставать воду изъ льда и приправлять пищу лимоннымъ сокомъ, или кусомъ.

Ночью на 14-е число вѣтеръ дулъ отъ *N*. Я ожидалъ что при семъ вѣтрѣ тронется ледъ, и, дѣйствительно, къ *S* отъ насъ льдины стали отходить отъ береговъ, но къ сѣверу оставались онѣ неподвижны. Осмотрѣвъ въ ту сторону берегъ на разстояніи 5 верстъ, мы нашли возможнымъ путь для байдарокъ, и полагали его таковымъ на значительное разстояніе, но для байдары онъ былъ извилистъ и опасенъ. Здѣсь я рѣшился, оставя большую байдару, продолжать путь, сколько будетъ возможно, на од-

ныхъ малыхъ байдаркахъ, а рѣшился я на то по слѣдующимъ причинамъ:

1) Пользуясь въ полномъ смыслѣ отличною ревностію бодрыхъ и здоровыхъ людей моихъ, въ 7-й день едва могъ я достигнуть Ледянаго мыса, совершивъ около 160 миль плаванія, большею частію вдоль такого берега, у котораго препятствіе отъ льдовъ еще не было значительно. Слѣдственно, продолжая плыть далѣе съ байдарой между густымъ льдомъ, путемъ часто извилистымъ, необходимо было потерять времени вдвое болѣе на переѣздъ разстоянія. 2) Между густымъ льдомъ необходимо проѣзжать случится и между такихъ льдинъ (взгроможденныхъ одна на другую, вѣроятно, крѣпкими вѣтрами моря), у которыхъ трудно предвидѣть величайшую для байдары опасность: разумно здѣсь внезапное разрушеніе льдовъ. Масса такой льдины, составленная изъ разныхъ обломковъ, имѣющихъ собственную свою толщину незначительную, отъ дѣйствія солнечныхъ лучей, въ это время года быстро разрушающихъ ледъ, измѣняя постепенно свою тяжесть, вдругъ наклоняется и скатывается съ себя верхнія льдины, отъ чего вся масса, теряя прежнее свое равновѣсіе, начинаеть колебаться, разрушаться и вдругъ поворачивается основаніемъ своимъ вверхъ. Въ тѣснотѣ между льдинами, такое разрушеніе льдовъ легко можетъ быть гибельно для байдары, ибо легко прорвать можно на ней лафтакъ, и тогда тяжело нагруженная байдара, не имѣя вблизи удобной пристани, неминуемо должна потонуть. Подобная опасность, которая далѣе къ N естественно должна была встрѣчаться чаще, заставила бы меня терять много времени въ ожиданіи удаленія льдовъ отъ берега, да и приставать отъ льдовъ къ такимъ берегамъ, при многихъ обстоятельствахъ, опасно и сопряжено съ неминуемымъ пожертвованіемъ времени.

Изъ изъясненныхъ, неожиданныхъ обстоятельствъ ясно видно было, что я съ байдарой достигну мыса Баррова не прежде начала Августа, и, слѣдственно, заранее должно было отказаться отъ надежды и на малѣйшій успѣхъ экспедиціи. Притомъ же вышеупомянутая болѣзнь, слѣдствія которой я не могъ знать, усилилась между крѣпами, находящимися на байдарѣ, и необходимо было, сбе-

регая ихъ здоровье, уменьшить для нихъ труды. Находясь въ сихъ обстоятельствахъ, дѣлавшихъ успѣхъ экспедиціи весьма сомнительнымъ, я почелъ должнымъ послѣдовать дозволенному въ инструкціи распоряженію, и вынужденнымъ нашелся разлучиться съ лучшею частью моей команды, поручивъ ихъ прикащику Кулишову, которому сдѣлалъ подробное наставленіе, какъ проживать безъ меня. Байдарной же командѣ приказомъ моимъ объяснилъ причину моего распоряженія, постановивъ ей въ обязанность сберегать сколько можно провизію, и быть въ полной зависимости у прикащика. Я счелъ необходимымъ оставить здѣсь и лекарскаго ученика. Съ собою на 5-ти байдарахъ взялъ я помощника Малахова, толмача Утуктака и 10 человекъ изъ Алеутовъ, а провизіи, по числу 13-ти человекъ, на 6 недель.

Юня 14-го отправилъ я байдару къ S, приказавъ Кулишову безостановочно плыть, уже известнымъ путемъ, до устья рѣчки, находящейся въ широтѣ 69° 25' N, у которой замѣтилъ достаточное количество выкиднаго лѣса, и множество оленей, гусей и утокъ. Въ то же время на байдаркахъ сталъ я пробираться къ N.

Въ полночь на 15-е число проѣхали жило *Каякшивиглеютъ*, находящееся на N сторонѣ Ледянаго мыса. Многочисленные его жители встрѣтили насъ дружелюбно и охотно показали намъ разнообразную свою пляску, но изъ провизіи ничего не продали. Послѣ, толпа ихъ, человекъ до 40, провожала насъ берегомъ версты двѣ, и съ величайшимъ крикомъ предупреждала насъ остерегаться *Каклигмютовъ*, жителей дальнихъ мѣстъ. 16-го числа, въ 5 часовъ утра, въ шир. 70° 33' N, мы пристали къ жилу *Киламытакагмютъ*; жителей тутъ до 25 человекъ; они, принявъ насъ за *Каклигмютовъ*, своихъ враговъ, встрѣтили насъ со стрѣлами и копьями, но объяснившись потомъ, подружились съ нами и проводили насъ до залива *Тутагвикъ* (*Wainwright*, по картѣ капитана Бичел); жители сего залива многочисленны и дерзки; называя себя добрыми людьми, они предупреждали насъ также о *Каклигмютахъ*, а сами открытымъ образомъ покушались взять у насъ топоръ, и съ оружіемъ въ рукахъ старались дѣлать намъ непріятности. 17-го числа, въ 6 часовъ, проѣхали

первое *Кагмгютское* жило, называемое *Атаныкэ*, находящееся на мысѣ *Бельшеръ*. Жители вышли на берегъ со стрѣлами, и долго не знакомились съ нами, но табакъ помогъ. Число людей тутъ незначительно. Въ 8 часовъ вечера, для отдыха людямъ моимъ, присталъ я на первый отъ *S Сивучій островокъ*, называемый *Пани Шигирю*. Къ намъ привзжали сюда 4 человека дикихъ, изъ селенія *Атаныкэ*. Въ полночь на 19-е число переехали въ заливъ *Пеардэ*, гдѣ мѣлкій ледъ уже не позволилъ намъ продолжать отъ сего залива путь далѣе къ *N*; онъ такъ былъ густъ, что никакой возможности не было отыскать провъздъ. Все видимое съ 30-ти фут. вышины пространство моря было плотно покрыто имъ.

Осматривая берегъ къ *N*, мы видѣли, верстѣ за 10 отъ насъ, ледъ рѣже, но берегъ былъ неудобенъ для переноса байдарокъ. Замѣтивъ на тундрѣ озера, для осмотра ихъ посылаю я помощника *Малахова*, въ томъ предположеніи, что если озера значительны, и будутъ направлены вдоль берега, то воспользоваться ими; но ожиданіе не удовлетворилось. Ночью на 20-е Юля, мы имѣли въ первый разъ морозъ, простиравшійся по *Реомюру* до 2^о.

За 6 миль къ *N* отъ нашихъ палатокъ, мы встрѣтили *Кагмгютовъ*, до 25 человекъ, съ женщинами и дѣтьми, также за густымъ льдомъ принужденныхъ здѣсь остановиться. Они плыли на 2-хъ байдарахъ къ мысу *Бельшеръ*. Между ними былъ старикъ, тоенъ селенія *Атанекэ*, по имени *Тукакэ*. Отъ него узналъ я, что онъ, со своими родственниками, весной, еще по льду, имѣя свою байдару, на санкахъ отправился съ мыса *Бельшеръ* на жило *Нуатагмюгъ*, по словамъ его, находящееся къ *O* отъ мыса *Баррова (Кибалю)*, въ 8 или 9 дняхъ ѣзды на байдарѣ. Онъ ѣздилъ туда торговать, и по первому пути водой теперь возвращается въ свое жило, имѣя на пути частую остановку за густымъ льдомъ.

Всѣ дикари два раза были у нашихъ палатокъ, и каждый разъ явно покушались на воровство, но были принуждаемы мною возвращать покражу. На дѣлѣ оказывалась болѣе и болѣе дерзость обитателей, чѣмъ далѣе подвига-

лись мы къ N, и наконецъ заставляла опасаться всего болѣе, чтобы не сдѣлалась она главною помѣхою въ путешествіи.

Тоёнъ Тукакъ, по желанію моему, начертивъ на песокъ направленіе здѣшнихъ береговъ, сколько они ему извѣстны, объяснилъ мнѣ, что отъ мыса Кибалю (Баррова) берегъ, вдругъ поворачиваясь къ O, идетъ сперва прямо, на одинъ день вѣды байдарой, а потомъ чрезвычайными извилинами продолжается по тому же направленію до устья рѣки *Большой* (Квихпакъ), впадающей въ Ледовитое море. На той рѣкѣ онъ не бывалъ самъ, но слышалъ отъ бывалыхъ, что по берегамъ ея живетъ многочисленный народъ. Выдавалъ онъ за правду и то, что въ той рѣкѣ водится такая рыба, которая длиною будетъ съ нашу 3-хъ-лучную байдарку. За мысомъ Баррова есть тоже жители, только въ лѣтнее время, а зимою уходятъ они въ тундру къ своимъ зимнякамъ. Вообще отъ мыса Баррова къ O, люди, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже; по выраженію Тукака: «они дики и на всѣхъ нападаютъ.»

Между другими любопытными свѣдѣніями, Тукакъ сообщилъ мнѣ, что прошлаго лѣта пріѣзжали на мысъ Баррова отъ восточной стороны люди, подобно намъ одѣтые въ суконное платье, и называвшіе себя *Каликагмютами*. Они торговались съ туземцами, и на память пребыванія своего у нихъ оставили имъ много исписанной бумаги. Къ счастью, тутъ же одинъ изъ нихъ имѣлъ лоскутокъ этой бумаги, купленный имъ отъ жителей мыса Баррова. Лоскутокъ оказался клочкомъ изъ нашего рукописнаго Морскаго Календаря 1836 года, и на немъ была пазначена величина полу-діаметра солнца. Полагаю, что этотъ лоскутокъ бумаги иначе не могъ къ дикарямъ попасть, какъ чрезъ Нушагакскаго толмоча Лукина; онъ, какъ я слышалъ, въ прошломъ году, отъ Колмакова, выѣзжалъ въ 1836 году въ Ледовитое море. Всѣ дикіе согласно утверждали, что нынѣшнее лѣто началось необыкновенно поздно; они говорили: «много дней, какъ солнце уже не уходило въ воду, но морозы у насъ все еще были сильныя.» По словамъ ихъ, лѣтомъ ледъ всегда былъ видѣнъ въ морѣ, но возлѣ берега вѣдять на байдарѣ можно, пока ночи бы-

вають еще не очень темныя. За мысом Баррова ранѣе прекращается навигація.

Наконецъ, 22-го Юля, въ 3 часа утра, при S вѣтрѣ, тронулся ледъ, и мы могли продолжать путь нашъ. Пробравшись между густымъ льдомъ 20 миль, стали встрѣчать малыя ледяныя поля, между коими и берегомъ каналъ до полумили шириной былъ довольно чистъ. Отъ параллели 71° 10' шир. до мыса Баррова простиралось вдоль берега одно ледяное поле, имѣвшее горки до 18-ти футовъ; каналъ между симъ полемъ и берегомъ, въ одну милю шириною, былъ свободенъ отъ мѣлкаго льда. Я приставалъ къ *мысу Смита*, на которомъ находится большое селеніе *Уткіагвигмютъ*; жители почти всѣ были въ развѣздѣ. Остававшійся тутъ старикъ, вѣроятно, шаманъ, сказалъ мнѣ, что онъ знаетъ, что мы ѣдемъ на Квихпакъ, но теперь намъ туда не доухать; онъ бывалъ тамъ, когда еще былъ молодъ; отправился туда съ своего жила, какъ только тронулся ледъ, а доухалъ до Квихпака, когда море стало замерзать, хотя очень мало останавливался на пути. Старикъ болѣе не распространялся въ своихъ разсказахъ, но тѣмъ не менѣе подаль мнѣ мысль заключить о Квихпакѣ: не есть ли это *рѣка Маккензія*? И если мое мнѣніе справедливо, слѣдствснно, *путь водой туда возможенъ*.

Юля 23-го, въ 4-е часа утра, мы объѣхали *мысъ Баррова*, и я несказанно былъ обрадованъ, увидѣвши къ О море, свободное отъ льдовъ. Но, къ сожалѣнію моему, я тутъ же убѣдился, что непріязненность здѣшнихъ жителей, многочисленныхъ и дерзкихъ, можетъ противопоставить намъ гораздо болѣе препятствій, нежели всѣ опасности, неизбѣжныя въ плаваніи между льдами. Всѣ сіи опасности, при бдительномъ вниманіи, могутъ быть избѣгнуты, но остановить дерзость дикихъ можно только силою, ибо я убѣдился, что малочисленность наша, не смотря на всегдашнюю готовность нашу къ оборонѣ, вселяла въ нихъ большую смѣлость, и если мы избѣгали по сіе время непріязненностей съ дикими, то единственно быстрою переменною мѣстъ. Теперь же и такой надежды я лишился. Къ намъ выѣхали съ большаго жила *Нугмютъ*, находящагося на О сторонѣ мыса Баррова, 2 байдары, на которыхъ было 32 человека мужчинъ; **обѣ байдары были нагружены стрѣ-**

лами и копыями. Отъ нихъ узналъ я, что всѣ прочіе жители разѣхались по льтникамъ, и что очень скоро станутъ они собираться на жило для китоваго промысла, къ которому времени стекаются еще къ нимъ тундренные жители. Казалось, мы хорошо познакомились съ дикими, выѣхавшими къ намъ на байдарахъ, но послѣ нашей ласки и подарковъ, они отстали отъ насъ съ тѣмъ только, чтобы сговориться, какъ на насъ напасть. Утуктакъ, вѣхавши возлѣ нихъ, хорошо слышалъ, что они условились дѣйствовать такимъ образомъ, что одна байдара нападетъ на насъ съ морской стороны, а другая сзади. Они сперва звали къ себѣ на байдары Утуктака, и когда онъ отказался, то смѣло стали готовить свои стрѣлы, что уже всѣ мы видѣли. Я приказалъ, поверотаясь всею къ байдарамъ, увеличить интервалы между байдарками и приготовиться отразить нападеніе. Переговоры наши не имѣли успѣха, и чтобы показать дикимъ готовность нашу къ оборонѣ, я принужденъ былъ приказать выпалить изъ пистолета, мимо ихъ байдаръ, а ружья навести прямо на байдары. Дикіе долго смотрѣли на насъ, и потомъ погребли къ своему селенію. Думая, что симъ кончилось все, я продолжалъ нашъ путь.

Отъ восточной стороны мыса Баррова тянется на О рядъ небольшихъ, низменныхъ, узкихъ островковъ, образовавшихся изъ наноснаго мѣлкаго камня. Сѣмъ островкамъ, или, лучше сказать, *банки*, возвышаются надъ поверхностью моря отъ 2-хъ до 4-хъ футовъ. Мы вѣхали вдоль банокъ, и проплывъ отъ О-й стороны мыса Баррова 3½ мили, принуждены были пристать на 4-й островокъ, имѣющій въ длину 60, а въ ширину 20 сажень, въ виду жила Нугмютъ. Съ сего островка, къ N, къ S и къ O, за пасмурностью, мы не видали ни берега, ни льдовъ. Вѣтръ отъ W очень засвѣжалъ и неблагоприятно было съ усталыми гребцами отважиться на неизвѣстный путь. Но вскорѣ, къ удивленію нашему, мы увидали прежнія байдары, вѣхавшія къ намъ подъ парусами. Байдары пристали на ближайшій къ намъ W-й островокъ; люди вышли съ копыями на берегъ, пѣли пѣсни и плясали съ бубнами. Мы не поняли ихъ намѣренія. Послѣ утреннихъ высотъ солнца, я рѣшился вѣхать съ островка прямо къ S; черезъ

полчаса былъ я обрадованъ, увидавши берегъ материка, къ которому пристали чрезъ $2\frac{1}{2}$ часа. Байдары не погнались за нами, вѣроятно, потому, что волненіе съ боку было велико; еслибы дикіе рѣшились за нами гнаться, то мы были бы въ обстоятельствахъ самыхъ критическихъ, потому, что при волненіи необходимо нужно было бы затянуть обтяжки на байдаркахъ, чѣмъ затруднилась бы возможность дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Небольшой мысъ, на который мы вышли, опредѣленъ мною въ широтѣ $71^{\circ} 15' 13''$ N; здѣсь въ полдень замѣчено солнце по компасу на SO $41^{\circ} 30'$.

Послѣ отдыха, въ полночь, на 24-е Іюля, я поѣхалъ далѣе къ О. вдоль низменнаго берега, и въ счислимой широтѣ $71^{\circ} 13'$ N; долготѣ $155^{\circ} 40'$ W, отъ Гринича, миновалъ устье мѣлководнаго небольшого залива, шириною до двухъ миль, углубившагося въ материкъ къ SW на значительное протяженіе. Сей заливъ, какъ первое обрѣтеніе экспедиціи, которою я имѣлъ честь начальствовать, наименовалъ я *заливомъ Прокофьева*, по имени Директора Главнаго Правленія Россійско-Американской Компаніи, И. В. Прокофьева, которому я столь много обязанъ за мое воспитаніе. Полагаю возможнымъ перейти берегомъ изъ залива Прокофьева въ заливъ Refuge, хотя о томъ не могли мнѣ хорошо растолковать Каглигмюты. Въ счислимой шир. $71^{\circ} 9'$ и долг. $155^{\circ} 15'$ W, берегъ вдругъ поворачивается къ S, образуя низменное прибрежье, которое назвалъ я *мысомъ Степоваго*, въ честь генераль-лейтенанта и Инспектора Корпуса Штурмановъ, М. С. Степоваго. Чрезвычайная низменность здѣшнихъ береговъ и туманъ заставили меня объѣхать кругомъ значительнаго залива, устье котораго съ W стороны ограничивается мысомъ Степоваго, а съ О-й, въ шир. $71^{\circ} 08'$ N и долг. $154^{\circ} 53'$ W, низменнымъ, узкимъ *мысомъ Врангелл*, такъ названнаго мною по имени бывшаго Главнаго Правителя Колоній, контръ-адмирала барона Ф. П. Врангеля, подъ лестнымъ начальствомъ коего прослужилъ я три первые года колоніальной моей службѣ, въ качествѣ командира судна. Заливъ сей, вдавшійся къ S до 7 миль, при вершинѣ коего замѣтилъ я довольно значительное устье рѣки, имѣетъ глубины не болѣе двухъ сажень, и мѣстами обсохшія банки, и я наименовалъ *заливомъ Купреянова*,

по имени нынѣшняго Правителя Колоній, важнѣйшее обрѣтеніе вѣрренной мнѣ экспедиціи. Отъ мыса Врангеля, по компасу, на W около $1\frac{1}{2}$ мили разстоянія лежитъ небольшой островокъ, послѣдній изъ ряда идущихъ отъ мыса Баррова. Такимъ образомъ опредѣлилось ихъ протяженіе отъ мыса Баррова по правому компасу къ SO 51° , на 29 миль Итальянскихъ. Отъ сего островка къ O видно было много ледяныхъ острововъ, или горъ значительной высоты. Отъ мыса Врангеля берегъ вдругъ опять поворачивается къ S, образуя еще большій заливъ, восточнаго берега коего я не могъ усмотрѣть, по причинѣ густаго тумана. По словамъ дикихъ, отсюда берегъ становится извилистъ; многіе заливы такъ обширны, что если переѣзжать ихъ близъ устья, то нельзя видѣть, ни ихъ вершинъ, ни O-хъ береговъ. Общее направленіе берега отъ мыса Баррова до рѣки Квихпакъ идетъ одинаково къ O.

Подъѣзжая къ мысу Врангеля, миновали мы довольно большой лѣтникъ, откуда тотчасъ выехали къ намъ 3 байдары. Зная уже по опыту, въ какомъ затрудненіи можно находиться на байдаркахъ, когда непріятныя обстоятельства заставляютъ взяться за оружіе, я рѣшился пристать къ мысу, чему и дикіе безъ нашего приглашенія послѣдовали. Отъ нихъ купилъ я оленьяго мяса до 4-хъ пудовъ, и сига, 20 штукъ. Это было первая рыба, которую мы видѣли отъ мыса Лизбуна.

Дикіе рассказали мнѣ о путешественникахъ, пріѣзжавшихъ въ прошломъ лѣтѣ на мысъ Баррова. Разказы ихъ были согласны съ тѣмъ, что я уже зналъ отъ Тукака. О пути этихъ путешественниковъ я узналъ только то, что они отправились изъ озера по рѣкѣ, впадающей въ Ледовитое море, и въ 3-й день своего плаванія отъ озера достигли мыса Баррова. Туземцы признавали Малахова, что онъ, или похожій на него, былъ въ числѣ Каликагмютовъ. Малаховъ имѣетъ одинаковый ростъ съ Лукинымъ, почему я съ увѣренностію думаю, что именно Лукинъ былъ у нихъ, и самое названіе: *Каликагмюты*, вѣроятно, выдуманное Лукинымъ, происходитъ отъ Алеутскаго слова *Калига*, означающее бумагу, книги, письмо, и вообще все то, что только относится до письменъ; слѣдовательно, Каликагмютъ, говоря буквально, есть грамотный

человѣкъ. Дикіе, вслушиваясь въ разговоръ моихъ гребцовъ, увѣряли меня, что Каликагмюты говорили между собою языкомъ похожимъ на Кадьякскій.

Во всю ночь дикіе не отходили отъ нашихъ палатокъ, и число ихъ безпрестанно прибывало, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастала постепенно и дерзость ихъ. Въ то время, когда я занятъ былъ съ ними, нѣсколько туземцовъ, мальчишковъ, непримѣтно подкрались къ моей палаткѣ, и вынувъ задніе колья, вытащили изъ палатки хронометръ, термометръ и мой журналъ, единственныя вещи, хранившіяся въ ней, какъ драгоценность. У палатки моей стоялъ часовой, впрочемъ обязанный наблюдать также и за байдарками; прочіе же наши люди были въ своей палаткѣ при ружьяхъ, потому, что самъ я находился тогда въ толпѣ дикихъ, состоявшей челоувѣкъ изъ 20-ти. Оставивъ ихъ, тотчасъ замѣтилъ я такую важную для насъ покражу, и хлопоты въ отысканіи вещей едва не довели меня до рѣшительныхъ мѣръ. Дикіе возвратили мнѣ въ цѣлости всѣ вещи, но никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на виновныхъ, а напротивъ многіе приготовили свои ножи (всегдашняя принадлежность дикаго).

Уже по утру, Утухтакъ едва могъ уговорить дикихъ оставить насъ; они звали его къ себѣ, и съ своей стороны уговаривали оставить насъ, объявивъ ему прямо, что скоро много людей соберется на мысъ Баррова, и тамъ, въ числѣ 20 байдаръ, они нападутъ на насъ непременно. Мы ни сколько не сомнѣвались въ томъ, что многочисленность дикихъ, дѣйствительно, придастъ имъ еще болѣе дерзости и намъ не избѣжать тогда большихъ хлопотъ. Тѣлесная сила этихъ дикарей, ловкость и привычка ихъ къ опасностямъ, еще болѣе убѣждали меня не пренебрегать опасеніемъ; дерзость, видимая на лицѣ каждаго туземца, замѣтно отличала ихъ отъ смиреннаго вида моихъ гребцовъ, столь усердныхъ въ работѣ, терпеливыхъ въ высшей степени въ перенесеніи нуждъ и трудовъ, но, къ сожалѣнію, убѣжденныхъ въ томъ, что многочисленность непобѣдима. Положеніе наше сдѣлалось болѣе, нежели сомнительнымъ, съ того времени, когда дикіе стали смѣло гнаться за нами на своихъ байдарахъ, не скрывая своихъ непріязненныхъ намъреній (чего до мыса Баррова мы не

испытали), а объездъ селеній сдѣлался невозможнымъ по естественнымъ препятствіямъ, и мнѣ должно было уступитъ необходимости въ таковыхъ обстоятельствахъ.

Іюля 25-го, въ половинѣ 5-го часа по полудни, когда мы собрались въ дорогу, съ обѣихъ сторонъ мыса въ одно время подъѣхали къ намъ 4 байдары. Я отвалилъ отъ берега, единственно для того, чтобы намъ перемѣнить только мѣсто. Дикіе послѣдовали за нами, и когда мы проѣзжали лѣтникъ, то замѣтили тамъ необычайное движеніе: дикіе снимали свои палатки, беспорядочно и съ поспѣшностію грузили свои вещи на байдары; другіе, имѣя на себѣ свои легкія байдарки, бѣжали по берегу, а двѣ байдары слѣдили за нами. Къ счастью, сдѣлался въ то время густѣйшій туманъ, и я могъ обмануть дикихъ тѣмъ, что сталъ грести въ море, и такимъ образомъ удалился отъ берега на 3 мили; здѣсь встрѣтили мы свѣжій вѣтеръ отъ Ю, принудившій насъ пристать на банкъ. Одна байдара, которой прежде мы не видали, и не знали откуда она взялась, также пристала съ нами. При такихъ обстоятельствахъ мнѣ осталось одно — возвратиться къ нашей байдарѣ. Съ неизъяснимо прискорбнымъ чувствомъ, которое не изгладится во мнѣ во всю жизнь мою, я приказалъ грести къ мысу Баррова, располагая по компасу и волненію курсомъ. Необходимостью принужденъ я былъ избѣгать явной, а, можетъ быть, и общей гибели людей ввѣренной мнѣ экспедиціи.

26-го числа, въ 6 часовъ утра, мы объѣхали мысъ Баррова, и за густотою льдовъ принуждены были приближаться къ берегу. Отъ селенія у мыса Смитъ, дикіе шли за нами по берегу, страшая насъ своими стрѣлами и копьями, но однакожь они скоро насъ оставили. Въ 3 часа по полудни, послѣ 22½ часовъ ѣзды, за густымъ льдомъ, мы принуждены были пристать къ берегу, отъ мыса Смитъ къ S въ 10 миляхъ. Съ высоты видно было, что мили за 2 отъ берега ледъ довольно рѣдокъ; но пробраться туда не было никакой возможности. Іюня 27-го послѣ полуночи, чтобы избавиться явнаго и злаго намѣренія жителей, съ величайшею опасностію между льдовъ, при довольно значительномъ прибоѣ съ моря, мы отделились отъ береговъ на милю, и къ счастью нашли себѣ просторный

путь. 27-го числа пристали въ заливъ Пеардъ, отъ котораго къ S, мы болѣе не встрѣчали льдовъ, и море отъ нихъ было совершенно чисто. Съ большою поспѣшностію сталъ я продолжать отсюда наше обратное слѣдованіе, и на пути заѣзжалъ въ Каглигмютское жило Атаныкъ, обдарить его жителей, бывшихъ къ намъ столь доверчивыми, и непохожихъ на встрѣченныхъ послѣ, а особенно хотѣлъ отличить тоёна Тукака знакомъ: *Союзные Россіи*, даннымъ на сей предметъ, каковой награды я считалъ его достойнымъ, поручивъ ему сказать дальнимъ народамъ все то, что онъ узналъ отъ насъ. Августа 4-го числа, я соединился съ байдарою у назначеннаго ей мѣста, и нашелъ байдарную команду въ благополучномъ состояніи и совершенно здоровсю. Всѣ мы, бывшіе на байдаркахъ, чувствовали большую нужду въ отдыхѣ, и потому провелъ я здѣсь два дни на мѣствѣ.

Байдарная команда прибыла на это мѣсто 16-го Іюня. По приказанію моему, она выстроила здѣсь изъ колотыхъ лѣсинъ избу, въ двѣ сажени длиною, обложивъ ее снаружи дерномъ, и небольшую байдару для домашняго употребленія. Во все время своего здѣсь пребыванія, она промыслила стрѣлами 1 нерпу, 8 оленей и довольно дичи. Вся провизія, взятая изъ Ново-Архангельска, сохранена была, какъ нельзя лучше, и вообще дѣятельность, направленная для обезпеченія нашей прозимовки, пріятно меня удивила. Кулишовъ свидѣтельствовалъ о своей командѣ во всѣхъ отношеніяхъ съ похвалою.

Августа 6-го, со всею командою отправился я къ S. 11-го числа объѣхали мысъ Лизбурнъ, и на W. сторонѣ его прожили 8 дней на мѣствѣ, по причинѣ крѣпкаго вѣтра отъ S. 19-го числа бѣжали въ заливъ Марреть. Промѣривая устье его, я нашелъ глубины только $\frac{3}{4}$ сажени. Отъ здѣшнихъ жителей узналъ я, что у острова Шамиссо стоитъ на лкорѣ судно; я положилъ, что это долженъ быть Полифемъ, и потому перенесъ байдару, байдарки и всѣ вещи на S. берегъ мыса Гопъ, сталъ слѣдовать въ заливъ Коцебу. Въ широтѣ 67° 37' N, мы проѣхали многолюдное жило *Кавалнагмютъ*; жители его непріязненнаго расположенія. За мысомъ *Крузенштерна*, мы миновали до 10-ти отдѣльныхъ барабаръ съ жителями, у которыхъ ку-

пили много превосходной рыбы. Августа 29-го, я благополучно присталъ къ острову Шамиссо, гдѣ мы нашли несомнѣнные признаки недавняго пребыванія здѣсь команды брига Полифема; но брига не застала, и не могли отыскать бутылки, оставленной съ Полифема на *полуостровъ Хориса*.

Проживая на островъ Шамиссо, я принужденъ былъ довольствоваться командою единственно изъ своего запаса, и для поддержки ея переехалъ 3-го Сентября на материкъ, къ О отъ острова Шамиссо. Сентября 5-го, мы были обрадованы прибытіемъ брига Полифема къ острову Шамиссо.

6-го числа, имѣя полной провизіи на 4 недѣли, прибылъ я на Полифемъ, и имѣлъ честь сдать г-ну командиру брига всю мою команду въ полномъ числѣ и совершенно здоровою.

Я счелъ справедливымъ отличить знакомъ отличія: *Союзные Россіи*, дикаря, спутника моего Утухтака, за его похвальное поведеніе, всегдашнюю готовность къ трудамъ и примѣрное терпѣніе во все продолженіе экспедиціи. Преданность же свою Рускимъ онъ доказалъ намъ не разъ, самымъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, и въ этомъ отношеніи услуги его ввѣренной мнѣ экспедиціи были неоцѣненны.

Въ заключеніе обязываюсь донести, что полагая себя въ правѣ наименовать по произволу вновь осмотрѣнный *берегъ*, я ознаменовалъ оный именемъ Его Свѣтлости *Князя Меншикова*, какъ и означено мною на картѣ.